

из городов в поместья, укрепление частной власти (буккелярии, частновладельческие тюрьмы). Новые формы стали пробиваться повсеместно — как в сельском хозяйстве, так и в политических тенденциях господствующего класса и в идеологии (отход от старой религии к христианству, которое генетически восходит к протесту против рабовладельческих отношений).

Однако господствующие имущественные традиции и надстройка рабовладельческого общества были настолько сильны, что все пробивающиеся новые формы как в экономике, так и в идеологии приобретали рабовладельческую окраску и использовались для сохранения рабовладельческого строя. Перевод рабов на пекулий в условиях полного сохранения правового статуса раба можно считать только моментом более рациональной технической расстановки рабочей силы рабов в целях повышения интенсивности их труда⁹. Рабовладельцы вовсе не хотели лишаться собственности на личность раба — ведь даже простой неквалифицированный раб стоил 90 грамм чистого золота! (Cod. Just., VI, 43,3). Колонов старались переводить на статус энапографов, которые по отношению к средствам производства ничем не отличались от рабов, посаженных на пекулий. Plena in re potestas рабовладельца распространялась как на имущество, так и на продукт труда, хозяйство и личность энапографа¹⁰. В таких условиях теоретически совершенно невозможно относить энапографов к иной классовой группе, чем рабы. Сам Юстиниан признавался, что он не мог отличить энапографа от раба! Это — особый вид рабства в условиях разложения рабовладельческого способа производства. Как ни выгоден был переход к эксплуатации мелкого хозяйства, но класс рабовладельцев стремился переходить к новым формам, нисколько не уменьшая своих традиционных имущественных прав на личность работника.

Новые производственные отношения пробивались и в форме роста свободной мелкой земельной собственности. А. П. Каждан убедительно показал наличие этой тенденции¹¹. Но в рамках рабовладельческой надстройки и эта тенденция приобрела рабовладельческую окраску. В свободной крестьянской собственности тоже использовался рабский труд¹². Недаром Иоанн Златоуст в самые критические годы Константинополя обращался к своей пастве с призывом ограничиться кирпичным домиком в три комнаты и только двумя рабами, — т. е. развивал утопию о строе мелких рабовладельцев! И надо признать, что мелкие рабовладельцы действительно представляли собой опору рабовладельческого строя в целом.

В идеологии победило христианство. Хотя оно и было связано с первоначальным протестом против рабовладельческого гнета, тем не менее в условиях непоколебленной мощи основного ядра рабовладель-

⁹ См. нашу статью „К вопросу о процессах феодализации в Римской империи“. ВДИ, 1955, № 1.

¹⁰ Cod. Just., XI, 49, 21: „... cum uterque in domini sui positus sit potestate“. Разумеется, plena in re potestas в отношении как к рабам, так и энапографам была связана с обязательствами неуклонного выполнения требований фиска (например, чтобы не допускать запустения земли, запрещалась продажа сельских работ и энапографов без земли).

¹¹ А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской Империи. ВДИ, 1953, № 3.

¹² В юридических документах IV—VI вв. больше говорится о зависимом крестьянстве, чем о свободном. Однако нужно иметь в виду, что подавляющее большинство свободного крестьянства IV—VI вв. скрывалось под именем горожан. Многочисленные мелкие „города“ на торговых путях и castra не могут экономически считаться городами и фактически были аграрными поселениями, обладающими правами полиса, т. е. деревнями рабовладельческого типа, в которых „горожане“ были мелкими рабовладельцами и в то же время крестьянами.